

АНТРОПОЛОГИЯ РЕЛИГИИ

Скрыльников П.А.¹

Сообщества русских родноверов в местах лишения свободы²

Крупные сообщества неоязычников-родноверов, которые начали появляться в публичном поле России после распада Советского союза, всегда в определенной степени тяготели к националистической идеологии. Они были представлены в основном союзами договорившихся о сотрудничестве небольших общин, что определило будущий характер движения: локальные сообщества-«ячейки» до сих пор составляют его основу. В идеологических вопросах ориентация на национализм была присуща им с первых дней открытого существования их сообществ, и даже раньше. Исследователь В.А. Шнирельман высказывает мнение, что подобная смычка произошла ещё раньше. Манифест «Слово нации» за подписью «русских патриотов», вышедший в самиздате в 1970 году и раскритикованный советскими диссидентами за пассажи о «битве черной и желтой расы за мировое господство», заканчивался фразой «Да здравствует победа христианской цивилизации над взбунтовавшимся против нее хаосом!». Как позже выяснилось, написан он был Анатолием Ивановым (Скуратовым) – автором другой самиздатовской статьи под названием «Христианская чума», в которой он в красках описывал борьбу европейских язычников с распространяющейся по континенту религией и её «главным бациллоносителем» – мировым еврейством (см. *Шнирельман В.А.* Русское родноверие. Неоязычество и национализм в современной России. М.: ББИ, 2012). «Русские неоязычники не ограничиваются сугубо религиозной стороной; они поднимают социальные, экологические и этические вопросы, как это было свойственно многим сектам XIX–XX вв. [...] Религия нередко понимается как идеология. Предполагается, что национальная общность тем сплоченнее, чем больше она основывается на общенациональной идеологии, апеллирующей к заветам предков», писал В.А. Шнирельман о языческой идеологизации религии.

Взгляды Алексея Добровольского, или же Доброслава, одного из первых и старших идеологов русского неоязычества, сформировались не в последнюю очередь под влиянием двухлетнего тюремного заключения: в 1967 году во время «процесса четырёх» (дела А.И. Гинзбурга, Ю.Т. Галанцова, А.А. Добровольского и В.И. Лашковой) он был осу-

¹ *Скрыльников Павел Андреевич* [withwings@mail.ru] – аспирант Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия) – *прим. ред.*

² Исследования проведены на средства грантов РГНФ: № 15-01-00379а «Региональная и локальная специфика культурных и языковых процессов (на материале полевых этнографических и этнолингвистических исследований в Костромском крае в XX–XXI вв.)», руководитель проекта – к.ф.н., д.и.н., Морозов Игорь Алексеевич; № 16-01-18086е «Русская этнографическая экспедиция», руководитель проекта – к.и.н. Куприянов Павел Сергеевич; а также в ходе работы автора над публицистическими статьями для издания «Независимая газета».



ждён на два года по обвинению в антисоветской агитации и связи с эмигрантской организацией «Народно-трудовой союз». Листовки, которые в Калуге в ноябре 1993 года раздавали члены Калужской Славянской общины, гласили: «Братья-славяне! После уничтожения Советского Союза мы, славяне-русские, по существу являемся единственным народом, не имеющим своей собственной государственности. Очевидно и непосвящённому, что Российская Федерация построена по подобию Союза и её ожидает та же участь. Вдумайтесь, братья! Наша СВЯТАЯ РОДИНА-РУСЬ названа немецким словом Россия [...] СЛАВЯНЕ, ПОДНИМАЙТЕСЬ И ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ, ВСТАВАЙТЕ ПОД СИНЕЕ ЗНАМЯ СЛАВЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ! ВОЗРОДИМ РОДИНУ ПРЕДКОВ!». Вадим Казаков, до 2012 года являвшийся руководителем ССО СРВ, в 1996 году шёл на выборы в Калужскую городскую думу под лозунгом «Русской Калуге – русскую власть!».

Центральной концепцией для языческих течений, как правило, является «Традиция», широко трактуемая как следование ряду мировоззренческих принципов. В их числе – почитание предков и их жизненного уклада, морально-этические установки, может декларироваться необходимость принадлежности к одному из славянских народов. Таким образом, например, определяет себя ССО СРВ: по определению организации, «к Родной Славянской Вере относятся те, кто:

Генетически принадлежат к славянским народам

Уважают традиционные славянские обычаи

Придерживаются родноверческого мировоззрения

Славят древних славянских Богов».

Язычество как заметное явление публичной религиозной жизни в России появилось четверть века назад. Членство в родноверческих сообществах и по сей день остаётся слабо формализованным, а структура движения в целом – ячеистой. Об этом говорят даже отражающие организационное устройство крупнейших объединений названия: например, Союз Славянских Общин Славянской Родной Веры, Содружество Славянских Родноверческих Общин «Велесов круг». Закрепившие в 2002 году создание «Круга языческой традиции» Битцевское обращение и Битцевский договор также подписывались лидерами общин от имени отдельных сообществ.

Перечисленные выше свойства, присущие русскому неоязычеству и сложившимся в его среде организационным формам, накладывают свой отпечаток на то, каким образом сообщества родноверов складываются и обзаваются новыми членами, из какой среды и с каким бэкграундом в них оказываются люди. Ячеистый и сетевой характер русского родноверия, а также значительно концентрирующаяся на политических аспектах возрождения славянской дохристианской религии идеология подготовили богатую почву для проникновения с неонацистскими группировками, вышедшими на поверхность и ставшими заметными в тот же период, когда активно развивались родноверческие кружки. При этом членство в общинах язычников регулировалось и регулируется слабо. Таким образом, религиозное течение в целом оказывается в ситуации, когда значительную массу его членов приводит в его ряды не непосредственно религиозный поиск. Их выбор религии оказывается продиктован стремлением

найти прочные основания собственной этнической идентичности или политическими убеждениями. Такая ситуация, разумеется, для русского родноверия не исключительна: однако в купе с его организационными особенностями она приводит к тому, что в жизнедеятельность общин – в богослужebные практики, обряды, праздники – часто вовлекаются люди радикально-националистических убеждений. Их деятельность за пределами коллективных практик родноверов оказывается вне поля зрения лидеров сообществ. При этом она может включать в себя уголовно наказуемые деяния. Это и приводит к появлению в тюрьмах людей, радикально-националистических убеждений, разделяющих религиозные взгляды родноверов. Тем не менее, оснований считать, что единственными представителями родноверов в тюрьмах являются носители радикальной националистической идеологии, нет. Об этом свидетельствуют слова респондентов – двух родноверов, отбывавших наказание в местах лишения свободы и сумевших организовать в заключении функционирующие языческие сообщества – приведённые в данной статье. Опираясь на предоставленные ими сведения, автору хотелось бы прояснить в данной статье некоторые особенности формирования и быта неоязыческих сообществ, существующих в местах лишения свободы.

Первый респондент – родом из Калуги, в момент проведения интервью отбывал заключение в исправительной колонии строгого режима № 12 УФСИН по Архангельской области в течение десяти лет. С язычеством он познакомился ещё до заключения: «В язычестве я всю свою жизнь. Я из семьи атеистов – мама и папа у меня вообще ни в кого не верят. Дедушка мой – мы жили в глухой деревне в Вологодской области – был язычником. Он не учил меня ведать богов, но зато он учил меня славянскому пониманию мира, славянской культуре, традициям. Учил общаться с духами мест, лесами, водянными. Праздновали иногда праздники – Купалу в деревнях всегда же справляют, он всегда организовывал этот праздник. А название «Родноверие» я узнал около десяти лет назад». По его собственным словам, имя, фамилию и отчество в настоящее время сменил на «Ярополк Юрьевич Витязь». Время появления в колонии сообщества родноверов, главой которой он является сейчас, респондент точно вспомнить затруднился, назвав 2008 или 2009 год, когда он впервые встретил в заключении других язычников. Первоначально сообщество состояло из трёх человек, включая респондента, совместно изучавших доступную неоязыческую литературу. Непосредственно общиной кружок стал в 2014 году, когда количество его членов стало достаточно велико и собираться вместе было уже затруднительно: «В 2014 году, 28 февраля, мы образовали саму общину – нас было уже слишком много, всем хотелось как-то встретиться и пообщаться. Я сходил в отдел безопасности, по всем отделам пробежался – сказали, что официально мы вас зарегистрировать не сможем, потому что вы что-то неизвестное, что-то непонятное – будем вас изучать. Посоветовали создать кружок. Я написал заявление начальнику колонии с просьбой создать кружок любителей русских традиций, и нам разрешили. 28 февраля 2014 года мы провели первую нашу встречу, обсудили как делать».

Количество членов общины в данный момент по словам респондента составляет 52 человека, не считая двадцати уже освободившихся общин-



ников. Община функционирует как общественное объединение под названием «Славянский щит». Респондент дистанционно (через интернет) проходил обучение жреческому искусству в ССО СРВ. Он считает, что новых членов к язычникам привлекает в основном сплочённость коллектива и готовность постоять за себя: «Отходят от христианства в основном, и идут к нам [...] Из мусульман к нам никто не переходил. Из христиан переходят человека три в месяц стабильно – это я точно могу сказать, а то, бывает, и больше. Особенно после праздников и обрядов – идут сильно. Приходят по три – по четыре, приносят крест – «Что мне с ним делать?». Выкидывать, конечно, я им запрещаю – я просто у них его забираю. У нас тут церквушка стоит небольшая, отношу старосте. Он уже привык видеть, что, если я иду к церкви – значит, несу кресты опять. Там уже и коробочка стоит – положить, если старосты нет». Община проводит регулярные богослужения и праздники, а также добилась у администрации организации на территории колонии капища. Кроме того, община оказывает своим членам и юридическую помощь: среди её членов есть люди с юридическим образованием. Через идущих по этапу общинников осуществляется связь с другими колониями: по словам Ярополка, они находятся в Костромской, Вологодской, Архангельской областях, причём в Костромской области есть женская тюремная община.

Имя второго респондента по его просьбе не приводится. По его словам, он отбывал пятилетний срок, освободившись в 2015 году. Он принадлежал к футбольным фанатам, а язычником стал уже в тюрьме, в ходе общения с родновером, которого повстречал в заключении. Группа, в которой он состоял, насчитывала семь человек. Он также отмечает высокую сплочённость языческого коллектива, которая в условиях заключения привлекает людей, и сравнивает её с мусульманской взаимовыручкой: «Вот у меня положенцы – главные, так сказать – были русские, а основной состав – кавказцы и азиаты. У них своё мировоззрение, понятия общепринятые, но всё равно встречается, что они земляков мусульман тянут. В них всегда уважение вызывало, что они подтягивают и помогают друг другу реально. У нас в православии есть такое, но как-то обыденно и не особо-то помощь идет. А вот в язычестве стараются очень даже помогать люди». При этом можно отметить противоположные взгляды на саму возможность проведения обрядов в заключении: в отличие от Ярополка Витязя, второй респондент считает, что тюрьма – не подходящее для этого место: «Чувствуется тяжелый воздух... Даже церковь, я думаю, там не спасает – это, скорее, утешение для людей, чтобы в руках себя держали. Капище я там не могу себе представить».

Для общин и кружков родноверов, формирующихся в тюрьмах, в целом характерны те же черты, что и для существующих на свободе. Они пополняются преимущественно людьми националистических взглядов – об этом свидетельствуют оба респондента. Ярополк Витязь говорил о случаях появления в общине радикальных националистов и собственном негативном отношении к их идеям, создающим проблемы для общины в целом: «они ожидали славянского единства, им не было интересно вероисповедание. Их обламывали сразу. Извините, ребята, нам не интересна война национальностей – нам интересны наши традиции. Они уходят – понимают, что им ничего не светит. Вообще, на наших уроках не допу-



скаются разговоры о национализме, сепаратизме – мы даже не обсуждаем подобные происшествия. Этого не допускается, чтобы не было даже мысли о чем-то подобном. Мы ратуем не только за себя, за свою общину – но и за всё родноверие; потому что именно по нашим поступкам будут судить обо всех родноверах в целом. Потому что мы – спецконтингент, и народ осужденный, хоть и побаивается, но смотрит – ага, а вот если осужденные пришли в родноверие, то чем это грозит? И мы хотим всем доказать, что это грозит только тем, что мы все станем лучше, и другие люди станут лучше, придя к нам, не будут продолжать вести преступный образ жизни». Второй респондент собственную компанию называл «патриотами родины». В них ищут не только и не столько религиозной составляющей, сколько защиты от агрессивной среды – язычники представляются новым членам более сплочённой группой, чем христиане, способной защитить от произвола. Ярополк Витязь рассказывает об этом так: «просто встретились со смотрящими и сказали, что если наши ребята что-то где-то натворят, что противоречит вам конкретно – то не надо свои понты иноземные ваши к нам совать. Подойдите, объясните, скажите, что этот человек сделал плохую вещь – и мы с ним сами разберемся. Но вам разбираться с ним мы не дадим». Второй респондент говорит следующее: «Язычники помогают язычникам, поддерживают. Человек оступился – они не отвернутся от него». Взаимопомощь актуальна для родноверов, кроме прочего, в силу часто встречающегося негативного отношения к их верованиям, и особенно – к их символике и атрибутике, со стороны заключённых. Оба опрошенных отмечают имевшие место конфликты по этому поводу как с мусульманами и христианами, так с заключёнными, предъявляющими претензии к ней из-за внешнего вида. Второй респондент, например, рассказывал о конфликте с сокамерником из-за деревянной статуэтки языческого божества, которую тот счёл похожей на деревянный фаллос. Вызывали, по его словам, конфликты и его татуировки: «опять же, из-за символики! Только из-за символики. Было такое – тянут в каптерку. Где-то в бане у тебя увидели коловрат или свастичный узор (вот у меня на локте наколот), увидели нерусские – и начинают утверждать, что ты фашист. И начинается уже, как говорится, рамс: идешь в каптерку смотрящих, и там начинается такое, что обычно ты один: тебе одному приходится против семерых выносить это всё». О подобных стычках лидеры общин на свободе вспоминают гораздо реже. Опрошенные представители двух сообществ отметили значительно более сильное, чем на свободе, желание выразить собственные верования через внешнюю атрибутику: члены «Славянского щита», по словам Ярополка Витязя, шли на конфликты с администрацией ради ношения оберегов поверх спецодежды, а второй респондент именно в зоне с целью самоидентификации сделал татуировки со свастическими символами. Националистическая символика к неоязыческой очень близка, и часто, будучи использованной разделяющими националистические взгляды родноверами, смешивается с ней, накладывая отпечаток на восприятие родноверческого движения в целом – не только в заключёнными, но и подозрительно относящейся к «русским традициям» администрацией мест лишения свободы.

Цели встраиваться в криминальную иерархию общины перед собой не ставят, хотя пользуются подпольной инфраструктурой зоны. «Мы по эта-



пам передаем туда [в другие общины] книги, но через нашу почту всё очень долго едет – от нас месяцами едут люди» – слова Ярополка Витязя; «Общались, менялись информацией, мнениями по той или иной книге. У них на лагере ребята резали хорошо, допустим, идолов, или талисманы – мы им заказывали для своих родных, для друзей кому-то в подарок, отправляли от них своим – а у нас ножи делали, могли ребята, на них гравировку красивую, языческую. Естественно, это все нелегально. Своими дорогами всё было», говорит второй респондент.

Характерный для родноверческих сообществ принцип их формирования и пополнения не теряется в условиях существования в местах лишения свободы. Пример Ярополка Витязя, по его словам, сумевшего пройти дистанционное обучение жреческому искусству, на наш взгляд, является ярким примером возможности интеграции в существующее крупное неоязыческое объединение сообщества верующих в месте лишения свободы. При этом саму по себе такую интеграцию в крупные объединения нельзя назвать первоочередной задачей общин неоязычников ни в местах лишения свободы, ни за их пределами. Такой «автономной», не встроенной в объединения, общиной была группа «патриотов родины», описанная вторым респондентом. Таким образом, приведённые в статье рассказы родноверов, оказавшихся в заключении, позволяют, на наш взгляд, сделать выводы о том, что принципы формирования и пополнения сообществ верующих неоязычников в тюрьмах и колониях существенно не отличается от характерного для родноверия в общем, и даже может быть в некоторой степени формализован (например, через дистанционное обучение лидера необходимым практикам) в контакте с существующими объединениями. Однако идеи неоязычества и присущие ему ценности (в особенности декларация взаимопомощи и сплоченности членов сообществ) в условиях агрессивной криминальной среды являются дополнительным фактором популярности тюремных родноверческих общин. В свою очередь, насущная необходимость демонстрации декларируемого единства в условиях лишения свободы приводит к более сильному, чем у единоверцев на свободе, желанию выражения своей приверженности родноверию в форме религиозной атрибутики – вплоть до готовности к конфликту из-за неё с администрацией или другими заключёнными.

Лявшук В.Е.¹

Болезнь, смерть и чудо исцеления в нарративе гродненских иезуитов во второй половине XVII в.

Составленный в Гродненском иезуитском коллегиуме документ с характерным для сарматского барокко длинным и пышным названием «Суммарий чудес и значительнейших благодатей Пресвятой Девы Марии Студенческой в гродненской под титулом Благовещения Конгрегации Ихмостей П[анов] Студентов у П[реподобных] Отцов Общества Иисуса собранный для возжения упования страждущих, и с позволения

¹ **Лявшук Владимир Евгеньевич** [uliaushuk@gmail.com] – старший преподаватель кафедры международного бизнеса и маркетинга Гродненского государственного университета им. Янки Купалы (Гродно, Беларусь) – *прим. ред.*

